

Иоланта Сержантова

Между делом...

Эссе Стихи

12+

Иоланта Ариковна Сержантова

Между делом...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43118939

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-9500075-2-1

Аннотация

Первая часть сборника "Между делом..." эссе-описания природы Воронежского Государственного биосферного заповедника имени Василия Михайловича Пескова. Превосходство созидающей личности над индивидуумом, нацеленным исключительно на бездумное использование явлений и даров природы, – побуждение к раздумьям на эту тему. Поэтическая часть сборника – стихи о природе возникновения эмоций человека. Поэзия превосходства стихов в стихиях, из которых соткан окружающий нас мир. О сомнениях, насыщающих осознанное бытие, о разочаровании в себе и очаровании другими. Дизайн и фото на обложке – автопортрет, автор – Иоланта Сержантова

Содержание

Пока цветёт тюльпан...	6
Наивность	9
Вороны	10
Утро	19
Осень... ..	21
Эх...	24
Предчувствия	25
Ужас...	29
Уж	30
Слова...	33
Жалость	34
Дом	36
Истина	37
Совесьть	38
Луна	39
СТИХИ МЕЖДУ ДЕЛОМ	43
Между делом	43
Рожденья день	44
Я тобой дорожу	45
Шрихкод	46
Муза	47
Осколки	48
Любимые любимы вопреки	49

К подножью дня	50
Когда пустяшным мнишь пережитое...	51
Всё слишком	52
Не бывает!	53
Продрогшее	54
Сентябрь	55
Луч	57
Курсивом	58
Я всё спишу на осени хандру	59
День под солнцем	60
Мороз	61
Седьмому небу вопреки!!!	62
Февраль	63
За и	64
Зимний день	65
Притворство	66
Вуалью облака	67
Каждому – своё	69
Следы	70
Да!!!	71
Разговор с сыном	72
Не всё так просто	73
В подражание Маяковскому	74
Лес поседел с утра	75
Я– Пьеро	76
Роза	77

Скука	78
Никто не помнит обо мне	79
Слабость	80
...Будем!!!	81
Раз-очарование?!?!?!	82

Пока цветёт тюльпан...

Она тонула. Не было сил подать голос, поэтому просто отчаянно гребла к берегу и надеялась, что её заметят. Хоть кто-нибудь. Чёрный плащ сбился на сторону и тянул ко дну, пушистая жёлтая шерстяная шапка намокла и отяжелела, окрылась, словно иглами, слипшимися от воды пучками...

– Ы-ы... – она смогла, наконец, выдать из себя тяжёлый, как толща воды под ней, звук, – Ы-ы-и...

Пытаясь оттолкнуть от себя липкую как мёд и густую, словно смола, жидкость, она гнала волну, которая оказывалась несоизмеримо мельче приложенных к этому усилий.

– Ы-ы-ы... – облетали розовые лепестки её недолгой жизни, бок о бок с сёстрами: весёлая возня по утрам, совместные заботы... сладкий густой запах весенней травы... Так хотелось закрыть глаза, чтобы не видеть, как вода смывает остатки радости бытия... Но разве это возможно?!

Внезапно она почувствовала под ногами опору. "Не может быть!" – первое, что пришло ей в голову, и она крепко ухватилась за вовремя подставленную руку...

– Здравствуй, малышка! Какая же ты мокрая... Давай я тебя согрею... Ты так отчаянно барахталась... было слышно даже через закрытое окно! Какая же ты храбрая! И мужественная! Я боялась, что не успею добежать... Ты слышала, как я кричала? Нет? Ну, ещё бы... Я бежала и вопила, что есть мочи "Держись!" Давай-ка я высушу твой плащ... и шапочку... Ну, что? Что ты так смотришь?! Испугалась... Давай-ка отойдём подальше от воды...

Я сажаю мокрого насквозь шмеля себе на ладонь, сгоняю воду с его чёрных крыльев, ерошу мизинцем жёлтую шапочку, чтобы поскорее просохла... Согреваю его своим дыханием и укладываю в колыбель жёлто-красного тюльпана, что растёт в самой гуще кроны вечнозелёного дерева семейства кипарисовых.

– Вот, сиди тут, обсушись, успокойся... Живи здесь! И никогда больше не подлетай туда, где много воды... Слышишь?! Нико-

Гда!

Третий день шмель наслаждается тишиной и покоем. Днём прогуливается по веткам туи, а перед заходом солнца устраивается в объятиях цветка, льнёт к лилейным! – и счастливо дремлет, пока надвигающаяся темнота запирает на все замки купол бутона... Пока – так... Пока цветёт тюльпан...

Наивность

Небо нахмурило брови туч, чихнуло прилично сверкнув очами и мы, – кто куда. В подъезд, в тень норки, под небритый участок травы... А тюльпанам... куда им?! Стоят, гордые и невозмутимые. Даром, что цветочки...

Один, шевельнув широкими зелёными плечами навстречу ветру, скрипнул желваками лепестков и замер. Убедившись в намерениях бесцеремонного в своих порывах ветра, прищурился и затих упруго. А другой... рядом, подле, не по примеру, а супротив... Встряхнул ладошками, раскинул их навстречу отрицанию погоды.

Мгновение, и вот уже поник. Лишь пара жеваных лепестков удержалось в разумных пределах...

Кто и когда оценит подобное, миру открытость?! Пчела или шмель, другая какая букашка, – и те уж не вымажут щёки в душистой и пряной пыльце...

Наивность, всё-таки, претит всему, что подле...

Вороны

«Вороны пришли подкормиться на свалку. И мне их, представьте, несколько не жалко!»

Стрелки, стрелки птичьих лапок.

Бродят без пальто и шапок.

Сонный хриплый голосок.

В клюве – кость, в ноздрях – песок...

Апрель 1967.

Мать обучила меня грамоте довольно рано. Первым словом, которое заставили прочесть, было не "мама" или "папа", а фамилия первого космонавта планеты, в которой так много сложного рычащего звука. Он был основным, воинственно настроенным против меня, и моего непослушного языка.

Логопед, к которому обратилась за помощью мать, постаралась на совесть. Показала как можно сворачивать язык в трубочку. Заставила повторить великое множество цоканий и прищёлкиваний. Но из-

влекать из моих уст искомый звук, с помощью все этих нехитрых приёмов, ей так и не удалось. Однако дефект речи был исправлен. Легко и случайно. Что неизбежно сформировало уверенность в том, что у каждой проблемы, помимо массы сложных и утомительных решений, есть одно—единственное, необременительное и правильное.

Неким прекрасным ясным, летним, прозрачным и весёлым утром, я в совершенном одиночестве шла к бабуле. Отец опаздывал на работу, и потому не повёл меня за руку до нужного дома, а просто высадил на остановке.

– Сама дойдешь? – с надеждой спросил папа.

– Дойду! – радостно подтвердила я.

В предвкушении вкусного сытного завтрака без понуканий и нотаций, беззаботной прогулки до обеда, я шла и пела песенку из «Бременских музыкантов». О том, как пролетают мимо нестрашные дороги... И тут, в самую верхнюю ноту, чистым воспроизведением которой я особен-

но гордилась в ту пору, вторгся чей-то смех:

– Ха-ха-ха!

Я остановилась и покрутила головой. В этот утренний час, когда весь советский народ, как один стоял у станка, прилавка или кульмана, рядом со мной просто физически не мог никто находиться.

– Странно... – произнесла я негромко, но предательская согласная исказила до неузнаваемости даже такое простое слово и...

Смех раздался вновь... Обшаривая взглядом листву близстоящего дерева, в поисках источника оскорбительного звука, я увидела... ворону, которая укоризненно смотрела на меня с ветки, своим красивым чёрным глазом. Одним! Она не стала тратить на какую-то маленькую картавую девочку, блеск двух, подозрительно умных глаз, одновременно.

– Зачем ты дразнишься? Я не могу выговорить эту проклятую «ры!». Не могу!

– Кар!

– У тебя-то получается, как надо...

– Кар!

– Что «кар»?! – вскричала я, внезапно ощутив во рту неведомое доселе волнение языка.

– Кар-р-р-р! – крикнула истошно ворона, и наклонила голову пониже так, что я не просто УВИДЕЛА, а почувствовала, как вибрирует её острый язык. Ворона даже и не думала смеяться надо мной. Она просто решила помочь маленькой девочке, которая так весело напевала, направляясь к дому своей бабушки. Я остановилась прямо под деревом, и задрала голову:

– Кар! – я привычно уронила раскатистую согласную в серый песок у ног.

– Кар-р! – возобновила свой урок ворона.

– Кар! – повторила я послушно, и не поверила собственным ушам, – Кар-р-р! Р-р-р!

– Кар-р-р-р! – возликовала моя блестящая преподавательница, и захлопала крыльями.

– Я умею говор-р-р-ить «р-р-р»! Спасибо! Вор-р-рона! – закричала я, что есть мочи, и побежала к бабушке, повторяя на ходу

удивительный урок, который преподала мне замечательно мудрая птица, холодея от ужаса, что потеряю этот звук по дороге...

– Кар-р! Кар-р-р! Кар-р-р-р-р! Бабушка! Ба-буш-ка-а-а! ВоРона! Научила меня говоРить букву Р-Р-Р-Р-Р!

– Ну, что ты выдумываешь, – грустно вздохнула бабушка, пропуская меня в квартиру.

– Ну бабусечка, ну, пожалуйста, ну давай я тебе скажу!!! Любое – пР-Р-Р-елюбое слово!!!

– Тихо. Не шуми, пожалуйста, не раздражай дедушку. Он плохо себя чувствует.

Я помню то дерево, с которого ворона учила меня правильно выговаривать самый ребристый звук русского алфавита. Я помню и саму птицу. Но на том дереве я не видела больше ни единой вороны. Ни разу! За сорок с лишним лет.

Время от времени я встречаю похожих птиц в иных местах. Обычных ворон вокруг всегда довольно много. Но тех необыкновенных птиц, со ЗНАЮЩИМ проница-

тельным взглядом, так же мало, как хороших и умных людей.

Райская птица с чёрным крылом... Лет через тридцать, или даже немногим больше, мне показалось, что я сумела отплатить добром за добро.

Однажды утром, в лютый мороз я увидела ворону, которая медленно замерзала на ветке. Потускневшие перья местами обледенели. Казалось, пройдёт совсем немного времени, и птица превратится в нечто, похожее на кусок промёрзшей древесной коры. У неё явно не было сил справиться с многочисленными останками январских обильных трапез. Быть может, ворона недавно перенесла на крыльях ангину, или просто была уже недостаточно молода для утомительной и кропотливой работы над ледяными скульптурами из неряшливых объедков.

В ту пору я могла позавидовать сытости церковной мыши, и сто пятьдесят граммов «кравовых» палочек, что лежали у меня в пакете, были для нашей семьи весьма ценной добычей. Но, как бы там ни было, я

шла в теплую квартиру, а ворона жила на улице... Недолго думая, я достала из пакета одну «крабовую» палочку, сняла с неё целлофан, и протянула вороне...

– Ворона! Возьми, пожалуйста!

Птица очень медленно подняла голову, взглянула на меня, на еду, зажатую в руке. С огромным трудом раскинула в сторону крылья, и оттолкнулась от ветки. Ворона была так слаба, что пришлось почти за-талкивать угощение в её приоткрытый клюв...

Наутро мороз махнул на нашу местность рукой, и отправился сдерживать порывы жителей иных регионов. Ворона же, к моей огромной радости, выжила. И в течение нескольких лет, пока обитала неподалёку, каждое утро бросала под ноги моей собаке куриные кости, добытые из помойки. И я опять осталась в долгу...

Музыка весны

Дятел задумчиво наклоняет ещё не оттаявшую ветку, немного придерживает, а после отпускает. И, наклонив голову, слушает её продрогший за зиму вой, рассеян-

но глядит в никуда, рассматривая своё пролетевшее "вчера" и неуловимое "завтра". С каждым днём весны ветка становится всё уступчивее и звук из безнадёжно грубого превращается в оглушительно звонкий. Зайцы, едва переодевшись, вступают в соперничество с неряшливой птицей, чьи крылья постоянно обрызганы рассветом, сопровождая медленное разоблачение родных полей барабанной дробью, – лапами по пню...

Вы думаете, что это всё беззастенчивые наветы и лишь один ветер хозяин пауз природы?

Зайдите в лес так рано, как сможете, и поймёте, что музыка весны не в капли рыдающих крыш. Разжалобить полдень давно научился февраль, и в том нет ему равных, поверьте!

Но весна довольно холодна и жестока. И, более того, – она скупа! Она скупа на ласку и тепло. Каждый солнечный луч она постарушечьи собирает в горсти и прячет. Чтобы потом, всего в один только день, явить свету на что способна сила нерастраченной понапрасну Любви. Весна оставит

после себя преображённый мир и уйдёт.
Так же тихо и незаметно, как пришла... в
середине февраля.

Утро

Кот глянул на меня нежно, тяжело запрыгнул на стол рядом с чашкой, в которой была наша последняя заварка, тихо фыркнул и стал хлебать. Быстро, жадно...

Изредка поднимал левую кисть и серой ладошкой отгонял от края штурвал лимона. Не заметив неодобрения, он завершил начатое. Сыто вздохнув, благочестиво окропил пространство, досадливо махнув мокрой дланью. И тут же свалился на пол, где немедля состриг солнечный локон, выпавший из пряди утра.

– Оп-па! Поймал!..

А тем временем за окном... За плотном стекле, заправленного в раму, всю сплошь заляпанную маленькими следами лап гурмана, насмотревшись на непотребства и беззакония домашнего тирана и властелина, ворон выкрал с акватории рукотворного пруда пластиковую фигурку утки.

Довольно скоро он ощутил, что не мягкое трепещущее тело несёт за тридевять земель в тридесятый дистрикт. Перемороженные лапы прототипа сказочной избушки престарелой лесной феи, подвели его. В который раз за эту весну.

–Что это?! Очередная пластиковая фигня! Не такая, которую обыкновенно вышвыривают из окон пассажирских вагонов, побогаче, но – толку от неё, одна бестолочь...

И ворон обратился коршуном. И швырнул он творение рук человеческих на рельсы, прямо под блины колёс товарного состава... Расстроился, видно...болезный...

Да! Кота-то, после чаю с лимоном,-
гм...стошнило...

Конфуз, однако...

Осень... ..

Осень сдала всё своё золото в ломбард.

Вокруг – серость, слякоть, сумрак...

И полусырое варево листвы бурлит под ногами, смазывает подошвы и, – хрясть!

Вот ты уже и сам – как опавшая ладонь берёзы: тих, безволен и наполовину растворён в этом сумраке...

Влюблённые и Луна

Отчего влюблённые так часто обращают свои взоры на луну?

Всё просто, – Месяц – мальчик, Луна – девочка. Они едины.

Быть может, их брак самый счастливый и мы бессознательно стремимся к этому идеалу.

Кое-кому это удаётся...

Я не могу без тебя!!!

Самое страшное – любви не познать, пропустив. Не обернуться вовремя, не послушать себя самого. Искать её в тех, кто сего недостойн. Не потому, что не достоин в принципе. Просто потому, что твоё не тут, оно там, где ты ещё не был, или был, но не

удосужился осмотреться по сторонам. Со вниманием.

С жадой обретения. Воплем встретить и не отпускать. "Я не могу без тебя!" переосмыслить в "Я не хочу..."

Одно лишь слово, такая малость. А меняет всё.

Так о Любви, о которой все не ловят языком ветра Вселенной. О ней молчат.

Я еду домой

Я еду домой.

Столб линии электропередач издали похож на безопасную бритву...

Собака, покрытая клоками свалявшейся шерсти, словно прошлогодней травой, стоит и смотрит на этот столб. Рядом – два понурых щенка. Им совсем плохо от дыма сгорающей неподалёку травы. Дым почти прозрачен, слегка похож на пар вечерней земли. Но это не он. Притворство всегда ядовито...

Малышам отойти...бы. Слегка! В сторонку. Но они так малы, к тому же, -не знают пока, что и от мамы можно...

В воронку заката, пеной грязных облаков утекают последние мгновения дня. Всё вчерне. Набело только дни. А ночи?

Ночи... Хитрые бестии. Поджимают ступни в дырявых носочках, обнимают в тени под ступенями, степенно кивают, надеясь заполучить не своё. И получают, и спешат, и бегут... Чтобы до третьих петухов. Как... тать? Да что вы! Какое оно ТАТЬ?! Так, - пакостник, мелкий...

А столб уже выбрил часть неба. До розовой кожи. И собака устала глазеть, облизала детей и дала им по чашеке какао. (Мамино молоко для щенков слаще любых шоколадных бобов!) Соседский барбос забежал, поприветствовал заднею лапой участок чадающей травы... И стало чисто, тепло и уютно. Только филин – вдогонку скользящему к краю небес Ориону, так громко кричал, что охрип...

Эх...

Эх... святая простота... Кровать без ножек, блохастый пёс рядом с потными волосёнками ребят... не менее блохастый котёнок... курочка, несущая яйца в сарае, и раскидывающая своё гуано где попало... И протекающая крыша... Сколько их доживёт до весны?..

Ожидание чуда...

...мы у себя в лесу, с 29 декабря... И тут так тихо... Снег... в печи горит огонь... И хочется, чтобы каждый вечер жизни был предновогодним. Чтобы ожидание Чуда вошло в привычку, но не стало обыденностью...

У каждого – своя правда

С моей опытностью... с моей верой в людей, с тем количеством разочарований и предательств, отзвуки коих ещё слышны в моём истерзанном сердце, я знаю цену фразы о том, что у каждого – своя правда...

Предчувствия

Что наполняет нас дурными предчувствиями?

Пытавшаяся пролететь сквозь стекло птица? Открывший солнцу своё незащитное пузо ёж прямо посреди дороги? Жук-плавунец, мстительно размазанный подошвой по тротуарной плитке?

Увы, мы не настолько ранимы.

Но за каждым рассветом тянется розоватый хвост вечерней зари, и нас пугает невозможность пресытиться этим всерьёз.

Сгоряча? Пожалуй... Но только не в самом деле...

Чёрный кот

Казалось, что этот чёрный кот ждал именно меня. Перехватив обращённый на него взгляд, удовлетворённо вздохнул. Огляделся по сторонам, подождал пока небыстро движущийся автомобиль подъедет поближе, и бросился ему под колёса.

И всё.

Нет ни кота, ни жизни "до"...

Первый снег

По лесу раскиданы крупные аппетитные куски белой булки. Или то, что кажется ею. Обглоданные первым настоящим морозом полукружья чаги с берёзовых стволов... неровные разломы сухарей лип, упавшие навзничь дубы, обнаружившие букеты корней... и первый, едва заметный глазу снегопад, который невесом и невидим, но уже жив...

Воздух местами истекает соком озона, а примятые тёплыми телами оленей гнёзда травы пахнут влажной пылью...

Подул ветер. Казалось, что берёза тряхнула поредевшими кудрями, но нет. То был первый снег.

Я пеку хлеб

У папы день рождения и я пеку ему хлеб с тмином. Вместо торта.

Когда началась война, моему папе было достаточно лет, чтобы испугаться. Когда шла та страшная война, ему, как и многим его сверстникам, очень хотелось кушать. В школе давали на обед чайную ложку размятого мёрзлого картофеля на крохотном, со спичечную коробку, кусочке хлеба. Папа мечтал, что, когда закончится война, он

будет есть большими кусками хлеб с сыром. Большими, неприлично большими кусками.

Сколько помню своего папу, после каждой трапезы он втихаря достаёт из хлебницы буханку, отрезает от неё ломоть и ест. Мама ругается, "Не наелся!?", мол...

Ну, да, в общем так и есть. Этот штрих, он как привычный вывих, как запятая в тексте! В моём папе живёт тот, постоянно голодный мальчик, который, чтобы его, русского, не убили, а принимали за своего литовцы, выучил язык, даже пел в костёле.

Он сам учил английский и немецкий язык, по открыткам и письмам убитых немцев. Тех самых, что сгоняли местное население на АКЦИЮ. Не на рекламную акцию. На акцию устрашения. На публичную казнь...

Я пеку папе белый хлеб с тмином на его 80-й день рождения. Я бы хотела ему подарить к этому хлебу огромную головку сыра, если бы могла. Чтобы тот голодный, любознательный белобрысый мальчишка, который живёт в нём, подойдя после завтрака к хлебнице, не захотел бы хлеба, ибо оказался сыт...

У моего папы нет культа еды. У него другие приоритеты. Он один из основателей подводного спорта в СССР, тренер первых "морских котиков" в стране, совершает погружения под воду по сию пору... Всегда занят, не кудахчет и не прячет корки под простыни. Но эхо войны залегло морщиной ощущения и проявляется всю жизнь. Я пеку хлеб. Папе.

Ужас...

Ужас...ужас...ужас... Бесконечный ужас, который пинает наше сознание и заставляет сердце сжиматься не в такт.

Ужас оставляет глубокие следы в генах, которые передаются следующим в очереди, обречённым переживать наши страхи.

На дне самого глубокого ковша счастья всегда будут лежать столетия ужаса, упакованного в мгновения...

И нет этому предела...

Уж

Однажды днём довелось наступить на хвост юному ужу. Показалось, что в траве проволочка. Слегка прищемила краем ботинка.

Уж взметнулся, шикнул возмущённо и замер, вместо того, чтобы бежать.

Он был немного бледнее обычных ужей.

Видимо, потревожили его не вовремя. Читал что-то... обдумывал. А тут... эта бесцеремонная человеческая особь... Мало ей места?!

– Малыш, прости, я ненарочно! – попыталась оправдаться я.

– Ага... ненарочно. Я теперь не чувствую хвоста! И ушибся, когда подпрыгнул...

– Ну прости, пожалуйста! – повторила я и принялась утешать, восхваляя его благородную бледность и статью...

Ужик приободрился, благосклонно выслушал, да так и остался лежать на середине тропинки, позволив себя обойти дважды, не пододвинувшись ни на ми-

крон...

Вот так. Пусть к хорошему и не дотянешься, а обнимешь!

Бывает и так...

Уголь, он разный. Один сгорает в печи, оставляя после себя приятный запах, доброе тепло и невесомую скромную горку пепла. Другой плохо горит, дурно пахнет и понуждает чистить после себя и печь, и поддувало, и пол перед ним... А на вид-то вроде, – уголь! И первый, и второй.

Так и люди. На первый взгляд похожи...

Обычно, стараешься не обращать на себя их внимание, но, когда приходится, не утомляешь лукавством.

М-да...

Ибо, – если верно и прямо беседуешь с такими, они думают, что неспроста это. Чувствуешь себя "в праве", – значит за спиной некто...с волосатыми руками.

И невдомёк им, что ты безнадёжно наивен, а в твоей груди, выполняя нелёгкий труд, бьётся честное сердце...

Идеи добра и зла витают в воздухе, кто настроен принять – принимает и фиксирует. Выдаёт за свои. Когда одна понятна

многим – это уже не идея, это нечто большее, что связывает нацию, народ, группу людей, обживающих одну территорию планеты. Обживающих, и уничтожающих её... Сжигающих в печах своего равнодушия.

Бывает и так.

Слова...

Слова, как капли дождя. Они падают, и растворяются в земле, оставляя лишь на мгновение свой след.

Жалость

Жалость выглядит и выражается по-разному. Слишком часто мы намеренно глумливы, неоправданно жестоки. И славно, что это не всегда так. Радости мимолётны, горести неоправданно длинны. Но... Разве бывает для жизни "долго"?

Лето выдалось довольно жарким, и каждый вечер в пруд под моим окном прилетает кукушка. Она не ждёт подвоха или обычной для человеческого существа подлости, и потому спокойно терпит моё назойливое присутствие. Сперва, как грузный от летних излишеств дачник, птица кружит, мелко семеня долговязыми ногами по берегу у самой кромки воды. Остывает, похлопывая себя по вздыбленным юбкам. Потом, шумно набрав воздуха в лёгкие, перебегает по поверхности пруда с одного края на другой. По воде, аки по суку. Удивляется своей удали, радостно подпрыгивает на месте, кружит, в обратную коловороту, сторону, а после... с разбега – на лист кувшинки! Нимфея, при-

творно удивляется удали молодой нахалки. Нарочито серьёзно покачивает головкой, но укоризна остывает в прохладной воде довольно скоро. И, нежно поглаживая упругую поверхность воды, листья баюкают заодно и кукушку. Жалеют её. Открытую, чистую и честную перед жизнью, перед собой и перед каждым из нас...

Казалось бы, что нам до неё, а ей до нас...

Впрочем, устремлённость к звёздам не отменяет необходимости анализировать будни. Кем бы ты ни был.

Дом

Дом – это не просто стены. Это пространство, наполненное теми, кто любит и любим....

Истина

Любые отклики излишни. Даже если хороши и уместны. Кто-то кричит: "И я такой!" Другой вопиет о непохожести... Банальности и прописи подстерегают нас на каждом шагу... Ибо они и есть истина, коей жаждем и от которой бежим.

Совість

Угрызения совести – наш собственный изнуряющий непреходящий хронический ад. Если ты не ощущаешь её уколов, значит потерял где-то по дороге.

Луна

В юности мы не ведали о тёмных сторонах луны. Смотрели на месяц, и видели его сказочный профиль. Рельефные скулы и лукавую улыбку. Из ближайшего к нему облака сама собой воссоздавалась игривая кисточка... А что теперь?!

А теперь мы не замечаем остриженного ноготка луны на ювелирной витрине звёздочёта.

Мы отчётливо различаем чёрную, неосвещённую его часть на безнадёжно тёмном небосводе, а , вместо добродушно-весёлого коварства, изощрённая издёвка чудится нам, бедолагам, во всём его девственно-чистом облике...

И зябко и пусто нам от того...

Как сталкер

Живу, как Сталкер. Нервный. Испуганный. Осторожный. Прислушиваюсь ко всему, что есть или дышит вокруг. Не знаю – правильно ли это, но по-иному не получается.

Куда-то можно было бы пойти легче и

быстрее. И, если попытаться поднять от дороги взгляд, рассматривать не то, что под ногами в пыли, а мир подле обочины, то очевидно, как всё надуманно, подчас. Всё, буквально. Но, тем не менее, при малейшем намёке на пренебрежение величиим зоны нашего Бытия, получаю недвусмысленный намёк на то, что не должна этого делать... И я не делаю. Стараюсь не...

Хотя иногда, очень редко, пытаюсь вырваться из этого тягучего клея постоянных недомолвок, оговорок и условностей, поворачиваю голову от..., и делаю вдох... обжигаюсь ощущением постыдной вседозволенности. Удивляюсь лёгкости отсутствия любого бремени... И пугаюсь этого, одновременно...

Так чего же больше в моём эмоциональном плену? Счастья или стыда? Ужаса или упорства? Как сравнить это разнородные фрагменты Жизни? Как?!

Меня не пугаются жуки и птицы. А я опасюсь и тех, и других. За сумеречную перспективу. За этот широкий, никем не освоенный проспект. Призрачный, как стая перелётных птиц на пути из нашей чума-

зой местности в прозрачные и прекрасные дали, существующие за пределами наших возможностей.

Мы поглощаем тонны еды, и лениво перемещаемся от холодильника к туалету. А птицы... Схватывают всё на лету, да смотрят на нас свысока, раскраивая небо своими маленькими жесткими крыльями... И летят, куда хотят... Потому, что для того, чтобы сделать... для того, чтобы полететь, куда хочешь, – надо быть жёстким. И не слушать никого. Кроме себя самого.

Паутина истин

Животные так снисходительны к нам, разумным. Любят со всеми недостатками, доверяют нам себя без остатка...

Обитает в некоем доме, к примеру, крупный паук. Когда выбежал на середину комнаты впервые, хозяйская собака ринулась защищать территорию от пришельца, но его не позволили обижать. Паук понял, что в безопасности, и теперь максимум, что ему грозит, – ремонт поврежденной во время уборки паутины!

По сию пору живёт за небольшим кустиком алоэ на подоконнике. Во время уборки

горшочек с растением приподнимают и просят паука подвинуться: "Ну, лапы-то подними, вытру!" Тот послушно отходит на пару сантиметров, пережидает, пока хозяйка очистит пространство от недоеденных комаров и мошек, и возвращается на прежнее место... Славно, когда люди так внимательным к слабым. Грустно, когда путают доброту с бесхребетностью. Где тут логика? Причём здесь паук, спросите вы. Ну... не всё же истины отпра- влять в безответственно отверзнутый рот. Кое-что надо додумывать самим... Оста- вляя пространство для небольшого червяч- ка сомнения в своей непогрешимости, ра- ди которого стоит жить...

СТИХИ МЕЖДУ ДЕЛОМ

Между делом

Тверди себе, что каждый день не зря
тобою прожит.

Что есть друзья.

И даже та, с которой каждая заря
тебя пьянит...

Луны магнит

к себе притягивает воду,

Щебечет кто-то про погоду

И про здоровый аппетит...

Рожденья день

Ценить друг друга люди начинают,
Когда взрослеют и когда теряют
Возможности улыбки иль привета,
Совета невпопад, кивка, ответа...
Рожденье дня встречая в день рожденья,
Ты ценишь огорчений назначенье.
Перчинкою мускатного ореха,
Слезинкой гомерического смеха, -
Всё просто и с волнением узнаётся:
С тобою тот, кто нужен, остаётся!
А прочие... Счастливо! С миром – мимо!
Не тратьте жизнь на то, что вам немило...

Я тобой дорожу

Аппликация чёрного леса
На шёлковой простыни ночи,
Жемчуг лунного лика.
Будь терпенье Твоё многолико!
Я тобой дорожу, между прочим.
Так дорога, дрожа, под колёса...

...неровный

прикус кукурузы...

Пробор, за волосы и вниз довольно резко.
Но кто и с кем так поступает дерзко?!
Кроша неровный прикус кукурузы,
С горбушки лета катятся арбузы,
Арбы урюка... Только виноград
Ещё неспел и сам себе не рад...
Правды или лжи???
Чего хотите? Правды или лжи?
От первой – горько... Всё не Расскажи,
Не каждому. И даже вам, друзья,
Всего сказать мне о себе нельзя...

Шрихкод

Шрихкодом пробился солнечный луч из-за туч.
И, как не крути, у товаров присутствуют цены,
Но обыденность жизни,
низвергнув все меры со сцены,
Отделяет "сейчас", от того, что не ждёт впереди.
И на фоне сего неизменного страшного факта,
Запах глубже и чаще дыхание милых людей.
Как желток для бисквита,
как песни написанной такты,
Как увядший букет
из ненужных, но вечных идей.
Отутюженный взглядами
полог просторного плена.
Тлен, конечность, избыточность ,— удачный предлог,
Чтоб не ждать, не любить,
набивать себе пошлую цену,
Позабвши о тех, кто ушёл и навечно продрог...

Муза

Лениво Муза разлеглась под снегом.

Кому-то зябко, а кому-то – нега!

Я радуюсь

Я радуюсь и удивляюсь. Простым вещам.

И разменяться я пытаюсь, по мелочам.

Ведь в них – вся жизнь,

и в каждой – радости событие,

У каждой двери есть сомненье и открытия...

Осколки

Осколки розовых очков. Пропало детство.
Из щели прошлого – сверчок, находит средство
Дать о себе опять узнать, наморщив время.
Но скрипнет пол, окно, кровать, седло и стремя, -
Низвергнув подиум волны ,прибрежный камень
Крадёт сияние луны и солнца пламень.
Как с кальки облака и снов – деревьев кроны.
Кривой мизинец огурцов, цветок короны...

Проба пера

Пишет осень дождями на стёклах:"Проба пера".
Лето крошки роняет остывшим куском пирога...
Ледяными ночами зима пропустить её просит,
Раньше времени вы,
не толпитесь вы, холод и осень!

Любимые любимы вопреки

Любимые любимы вопреки
Ухмылкам и соседским пересудам,
Немытым окнам, грохоту посуды,
Прожитым дням с неправильной ноги.
Там облака наклеены на небо,
И по-музейному,— на ниточках качелей,
Где кашей Облака измазав небо, ели,
Обрыв к реке – засохшей коркой хлеба
Лишь выглядит! Выглядывают дали...
Мечтам покорны побужденья тела,
Но суть не в том, чтоб делать, что хотелось,
А без чего ты сможешь жить едва ли.

К подножью дня

Дождя сентябрьский душ порадовать не может.

Осенний, как тоска, округу мнёт и гложет.

Всё реже кудри, – лес вокруг светлей

Дорога – внятнее, прямее и длинней...

А запах ясеня восходит к солнцу тоном,

К подножью дня кладу бутоны стонов...

Когда пустяшным мнишь пережитое...

Когда пустяшным мнишь пережитое,
Ленись слегка умерить жизни шаг.
Сие полезно! Мир не так устроен,
Вот только вял...Выходит всё не так.
Привычным строем вдаль уходят люди.
Кто сам с собой, иной навек приник...
Циничность фразы, дескать "Все там будем"-
Возможной безнаказанности миф.
Незыблемость – столь шаткое устройство,
Как скрип годами мытых половиц.
Гордись, коль ищешь в жизни беспокойство.
Стыдись, когда не видишь в ликах лиц.

Всё слишком

Всё слишком. Вкупе. Как в купе.
Морозы, слякоть, снег, капель.
Купель объятий ищем с детства
Путей не жаждем, ищем средства.

Не бывает!

Не бывает последних букетов у лета
А в беседке бутона, у маковой рощи
Там финал отыграл, ожидая рассвета,
Шмель мохнатый, которому было бы проще
Не прощаясь— взлететь, никого не тревожа
С нимфой в рифму -прошедшего лета куплеты
Тот, кто счастлив вчера, будет всё же моложе
Но моложе того, кого в будущем нету.
А тумана кисель, обронённого в Вечность,
И беспечность усталого длинного дня,
И отёчность росинки, дождя быстротечность,
Всё на свете волнует, как в детстве, меня...

Себя найти

Путешествий у времени выклянчить?
Ощущением душу не вылечить...
Измучиться? – запросто!
На хорошего запаха, за версту
Дороги распластанной,
Пятками сбившихся с пути.
Друг за другом, себя найти...

Продрогшее

Продрогшей птицей сгорбленный листок,
Лишь он один был в силах удержаться.
А те, кто улетели, пали, – статья
Те лучше ль, хуже? Переждать намёк
Смущенья своего несовершенства?
Себя сберечь или достичь блаженства...

Сентябрь

Внезапно постаревшая кора...
Долой уборы, ветка к ветке, строим.
Как эпилог трепещущего зноя,
Прекрасная и ясная пора.
Осеньет собой завершение лета,
И сонеты творит, как простые куплеты...

Жизнь

Что считать опозданием?
Ранние знания, как ранения,
Словно себя непризнание,
Мы признаёмся, прощаем, но поздно.
В жизни не стоит быть слишком серьёзным.

На сквозняке

На сквозняке из лета в осень,
Висит застиранная простынь.
То – облако! В прорехах, в пене...
(Бельё нуждается в замене...)
И кот, занявшись йогой со вчера,
Так и растянёт дни и вечера.
А русый лес, забросив листьев тряпки,
Давай утюжить тропки и полянки...
О, сколько нужно для уборки страсти!
Пусть минуют осень те напасти,

Что в пасти Вечности, как маленькие гвозди.
Скрипят стволов простуженные кости,
И, на беду, зимой, в штанишках снега
Им будет сыро с полдня до обеда.
А после – зябко... Сытая синичка
Будила осень. Грустная привычка.

Луч

О, светлый луч! Прожёт дыру ненастья.
Всё на свету: пороки, шрамы счастья,
Округлость лжи и спелый шарм рассвета...
И тот мотив, в котором пол куплета.

Намёк

Осень? Пахнет! Но только корицей и перцем.
И вдыхать её нужно не носом, а сердцем.
Подставляя ладони под струи из света,
Верить в то, что вопросы рождают ответы,
А советы – приветы от тех, кто сдаётся,
И рассвета намёк не поймёт, но дождётся...

Курсивом

Отриньте многоточия усталость.
Болотной кочкой, у тоски в плену,
Раздумия, невнятный почерк,
В ночи о ночи странный очерк
И прочерк. Ведомый. Окну.
Дыхание волненья мнёт красиво.
А слёзы – по стеклу. Курсивом...

Шмель апреля

В окно стучится. Первый шмель апреля.
Ему не нужен повод дня недели,
Чтобы вести отчёт хорошим дням.
Он весел, чист и этой жизнью пьян...

Я всё спишу на осени хандру

Я всё спишу на осени хандру.
Я не спешу, поспешность ходит боком.
и крах её стараний ненароком,
Как некогда разоблачённый друг,
В том, что не мог им быть. Иль был. Недолго.
Он так спешил, стараясь жизнь прожить.
Но, как всегда, не вышло в спешке толка.
Как облака не штопай, обнажить
Они всегда стараются запястья,
Прозрачной строчкой шьют подол ненастья...

Пусть!!!

Пусть горе будет луковым, не горше.
И инеем засахарив поляны,
Постылым будет мир на час, не дольше.
Унылым? – на мгновенье! Ярким, пряным
Пусть будет утро осени и жизни.
Пусть всё, что нужно, непременно станет спелым.
И жемчуг солнца на закате брызнет
Росою яркой, звонкой, чистой, смелой...

День под солнцем

Засахарены инеем поляны.
Как будто каплями, ладонями листвы
Играет ветер, ярким солнцем пьяный,
В софитах дня, на подиум весны,
Ещё незримой, но уже желанной.
Слегка помятой, влажной и жеманной,
Готовит лес. Тропинки и низины.
Кримпленом льда и зимнею дрезиною, -
Метелью! – И февральским эхом лета...
Щипнёт, уколет, дразнит, помнит это,
Да так скрипит!.. В тени и у колодца.
Такой желанный, славный... день под солнцем...

Мороз

Льда паутина рыб в пруду пленила
И ранит отражения стекло
Воды застывшей, в изумлении немиллом,
Всему, что любит солнце и тепло.
И небо корчится, что в клюв воды синица
Не может взять. Никак ей не напиться.
И носик в кровь, щека – в калину цветом.
Ну, где же ты?! Куда девалось, лето?..

Седьмому небу вопреки!!!

Седому небу вопреки,
Засахарены инеем деревья.
Мы все – истории отребья.
Стоим у времени реки.
Всё проходящие заботы,
Пустьашней утра воробья.
Ему неведомы субботы,
Ему – махнуть крылом... А я?
А мне? А мной?! Вся жизнь – вопросы.
Как выбор меж пшеном и просом,
Он восхитителен и прост,
Ответ, рождающий вопрос...
Седьмому небу вопреки!
И в прорубь той большой реки
Свой мятый, нежный и бумажный
Когда, куда, зачем – неважно!
Мы от себя толкаем нежно
Почти играя, безмятежно.
В надежде стать собою, быть.
Дойти и всё потом забыть.

Февраль

Осенней мышью дождь шуршит соломой.

Сугроб обриту.

И фетр пригорка

Уже изъеден молью солнечных лучей.

Устав от череды пустых ночей,

Рыдает льдинка мерно. Тихо. Горько.

Округа спит,

Смешавши явь и лень с души истомой.

Ещё февраль.

Недели календарь...

За и

против

Вчерашний снег. Вчерашняя гроза.

Природа слёз. Следы очарований.

Плиссе судеб. Разглажен лёд, а пламень,

Как горький камень. Тот, что против "за".

Простое и сложное

Простое бросает на сложное свет.

Выходит, что сложного не было, нет!

Зимний день

Ткань неба побита морозом, как молью.
Проплешины утренних звёзд сияют упруго.
Округа посыпана снега не крупною солью
И в поисках сна
чьи-то тени бредут друг за другом...

Мороз крахмалил простыни полян.
Так туго, густо, гулко, хрустко, пусто,
Едва вдыхаешь. Носом. Мелко. Узко.
И голова кружится, будто пьян.
Гравюра вечера и утра праздник – Солнце.
Мороз пробрал, что смог – прибрал к рукам.
Разгладил простынь рек, белив оконца,
Изрисовал и счастлив этим сам.
На каждый миг отмерено блаженство.
Всему – своё. Одеждами надежд
Мы заклеим своё несовершенство.
Легко – кивком и взмахом сонных вежд.
Замаран звёздной пылью неба полог.
То повод прятаться улиткой в скорлупу,
А радость в том, что зимний день недолог,
Но в чём она, я тоже не пойму...

Притворство

Сугроб повержен, кольца снегопада
Всё плоше, уже. В такт шагрени ночи,
Предательски роняя слёзы в лужи,
Весне не рад, он ею озабочен.
Непрочен панцирь пыльной белой кожи,
И расцарапав в кровь босые пятки,
Синица воробья обидеть хочет,
Но не всерьёз, а в шутку, для порядка.
Следы следов и пёрышко пылинкой.
Тропинку шагом кто не потревожит?
Кисель тумана. Под его сурдинкой,
Любая крона стать короной может.

Вуалью облака

Вуалью облака прикрыв своё лицо,
Луна пытается смотреть на подлецов.
Не свысока, но с высоты нелепых истин,
С которых кровь, как краска с грязной кисти.

Олень

Олень-многожёнец бежал от семьи на прогулке.

Батуды полян дребезжали тихонько и гулко.

Рога, словно прутья,

сплетаясь с деревьями в ветках,

И снег с монпансье, весь в горошинах,

вмятинах, метках.

Так густо вздохнул и устал,

в своём бегстве недолгом

Он помнил о тех,

с кем был связан любовью и долгом

И выдох последний

был полон надеждой и смыслом,

А небо к нему повернулось и близко нависло.

И вдруг... "Поднимись..."

Ты споткнулся, ушибся. Не больно?!"

Олень осмотрелся.

Охотник, с улыбкой довольной.

Провёл до копыта

шершавой, в мозолях, ладонью:

"Тут хлеба кусок, но прости, только...

с мелкою солью."

Батуты полян дребезжали тихонько и гулко,

Олень-многожёнец с семейством

опять на прогулке.

Мальчишка и дочь на виду, у весеннего леса,

Где дышит земля, оживая, как сдобное тесто.

Каждому – своё

Седое небо угрожает снегопадом.
И локтем ветра раздвигает леса куст,
Где ворон балансирует на ветке.
Он вниз роняет страхи, слёзы, метки...
Заслышав снизу градин злобный хруст,
Да грохот отдалённый водопада...
У каждого – своя окружность ада,
У ложа каждого свой собственный Прокруст
И невод каждый лишь прообраз сетки.

Следы

Снежинка – копия следов вороньей стаи,
Что на снегу оставила под вечер, улетаю.
Такие ж линии, такие ж повороты...
Как в жизни, -
отвернулся, – где ты, кто ты?!..
Следы – не ты, они одни скрывают,
Того, кто через них переступает...

Да!!!

Поэтов часто ударяет тазом медным.
Не надо быть ни мудрым и не Бедным!

Разговор с сыном

Из облака – тумана потолок,
Как буд-то бы какой-то в этом толк...
Луна была мила, однако, с нами,
Когда брели, куда обычно, сами, -
Она сопровождала нас с тобой.
Так было и тогда, когда под вой
Прекрасной песни, что мурлыкал волк
Брели! В снегу! По пояс! Он умолк...
Тут лось вообразил, что я – подруга...
Нам -взглядами подбадривать друг друга...
Но – всё же, не затем, чтоб кануть в Лету,
Мы раздаём ушедшему приветы...

Не всё так просто

Не всё так просто в нашем королевстве.

Однако я – сторонник раболепства.

Перед Стихией и перед Природой.

И не смотрю я в поисках погоды,

как все – навёрх...

Дышать там слишком сложно.

И падать, если что. Разбиться. Можно.

В подражание Маяковскому

Ломая гармонию гаммами на батареях,
Не жалея кончики пальцев рук,
Я заявляю, что моё поколение
Готово делить чужое волнение,
Но только то, что там, а не тут
То, что шкурно его не касается,
Не отдаётся в локоть левый
А – так, головой поутру встряхнул,
Как с кружки пива сдунув пену

Лес поседел с утра

Лес поседел с утра не за мгновенье
Под градом букв, в объятьи грубых фраз
То – бремя осени и лета дуновенье
Как образ, что давным-давно погас...

Свои и чужие

Бьёт изнутри кулаком сердце
Ночь, – и опять у окна одна
Чужие куда-то успели деться,
Свои не верят намёкам сна...

Я– Пьеро

Пусто. Рядом нет никого, кто отнимет перо.

Столько лиц, но вокруг. Рядом нет никого.

Я – Пьеро.

Просыпаются, ходят, ложатся опять.

Ты на сцене рыдаешь, им хочется спать.

На работу вставая в ещё темноте,

Маски путают и одевают не те...

Пусто! Рядом нет никого, кто отнимет перо.

Столько лиц...Но – вокруг. Рядом? Нет ни-ко-го...

Я -Пьеро?

Роза

Страшное что-то в розе этой,
Тебя не хочу убеждать в обратном.
Как в срезанной ветке, и песне спетой,
И лжи, оглашаемой многократно...

Скука

Цветные сны и чёрно-белый день.
Ни одного вблизи родного звука,
Когда владеет нами сердца скука,
Предательство обиды, сумрак, лень...

**...не ритмом вздутым
барабанны!!!**

Во всеоружии. – стога пустых стихов.
Что лицемерно тянут к слову звуки,
Как перед тем, испачканные руки
Математически рассчитанных слогов.
Стихи не ритмом вздутым барабанны,-
Жеманство вздора и порука скуки.
Обломки сучьев не на шутку близоруки,
Акафист свету в просторечьи – бранно...

Никто не помнит обо мне

Никто не помнит обо мне?!

О, счастье! Это важно мне!

Заставить думать так, как надо!

Быть добрым – тяжкая награда

Серьёзно, важно и почётно

Не быть, кто вечно не при чём...

Чей вялый возглас "Всё равно",

Как миф, развеян. И давно.

Слабость

Как мы не соответствуем себе,
Слабеем от предчувствия несчастья,
Взгляд вперив безучастный в одночасье,
Теряем всё. Или берём вдвойне.

Не вы...

Пусть жизнь надоест не единожды, верьте тому.
Примерить придётся, наверно, тюрьму и суму.
Дорога вполне сокращаема. Диагональ
Собой зачеркнёт поворот и, быть может, спираль
Так круто совьётся, что будет немислимо жаль,
Всех тех, по которым не вы, а какой-то другой:
То взглядом скользнул, то тоской
или просто – рукой...

Памяти

Евгения Евтушенко

Вокруг луны туман, окружность
Обведена. Уставший день
Захлопнул дверь. Небес жемчужность
Чернит в глазах у света тень
Темна она для грустных глаз.
И быть таким умеет каждый,
Отвага радуги однажды
Поднимет шторы утра в нас.

...Будем!!!

Будем живы, Божьей властью,
Обожжёт дождём в ненастье,
Подтолкнёт и ветер в спину,
Да рожу однажды сына.
Чтобы не был осторожен,
Трезв рассудком, кем-то брошен
Пусть побудет, так и быть! -
Небанально смог бы жить!
Ничего тогда не нужно!!!
Хватит! Рифмою натужно
Передёргивать слова.
Гордость – грусти голова.

Раз–очарование?!?!?!

Который лист пером испорчен,
Ничто из готовы нейдёт.
Как жалок мир, жесток, порочен...
Кто не ударит – украдёт.
Себя в себе переставляю,
Сама с собой едва мирюсь.
Так многого ещё не знаю.
Так малого уже боюсь...